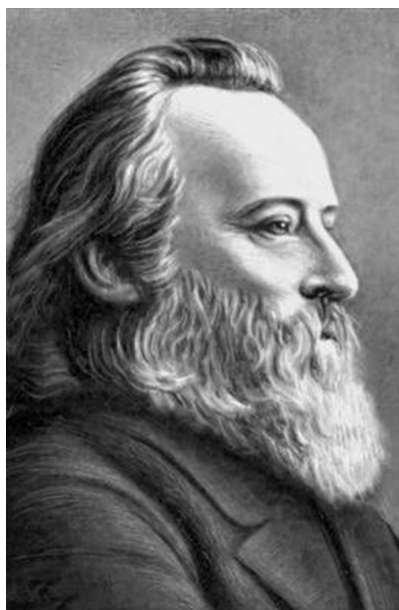

К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КАРЕЕВА

Николай Иванович Кареев
(24 ноября [6 декабря] 1850 — 18 февраля 1931)

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МАЛИНОВ

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА ДОЛГОВА

кандидат исторических наук,
доцент Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: medievalis@list.ru

ВАЛЕРИЯ ВИКТОРОВНА СЛИСКОВА

магистрант Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: valeriya.sliskova@mail.ru

УДК: 303.632.3

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12002

Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)

Целью статьи является введение в научный оборот главы рукописи историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева «Общая методология гуманитарных наук». Обобщающая работа была подготовлена в конце 1910 — начале 1920-х гг., планировалась к печати в петроградском издательстве «Наука и школа», однако так и не была опубликована. Книга написана исходя из положений позитивизма, однако несет на себе отпечаток и актуальных научных направлений того времени — в частности, неокантианства. В центре внимания автора находилась проблема создания единой общенаучной методологии, частным случаем которой была методология гуманитарных наук. В публикуемой главе Н. И. Кареевым подробно рассматривается проблема формирования эмпирической базы социальных и гуманитарных наук и ее отличия от естественнонаучного знания — а именно метод наблюдения и констатации фактов. Авторы делают вывод, что, рассматривая особенности наблюдений в социальных науках, Кареев признавал сложный, конструируемый характер исторических и социальных фактов и приходил к выводу о необходимости разработки теоретических вопросов источниковедения в социальных науках. Публикация главы позволяет критически оценить подход Кареева и сравнить его с современными критериями научности. Ученый фиксирует противоречие точности и полноты знания в социальных науках, переинтерпретируя таким образом проблему наблюдения в социальных науках в проблему источниковедения. Текст четвертой главы рукописи «Общая методология гуманитарных наук» публикуется

по автографу автора, выявленному в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Ключевые слова: Н. И. Кареев, методология, позитивизм, неокантианство, источниковедение, социальный факт, наблюдение, дивинация.

Благодарность

Вступительная статья и публикация рукописи подготовлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-09-00109/19.

Согласно гипотетико-дедуктивной модели научного знания, принятой в современной методологии и философии науки, всякое познание начинается с наблюдения. Вместе с экспериментом оно относится к эмпирическому уровню познания. И хотя за основу формулирования гипотетико-дедуктивной модели взяты методы познания в естественных науках, даже более определенно — методы прежде всего физики, она распространяется и на социогуманитарные дисциплины. Конечно, эмпирическая база социальных наук значительно разнится от наук естественных, однако и они должны следовать общей логике познания, посредством наблюдения устанавливающей первичный слой фактов.

Философия и методология науки как позитивистский проект в современном виде сложилась к середине XX в., но уже на исходе столетия стали очевидны пределы универсальности такой модели, ее ограниченность в применении к наукам социальным и гуманитарным. Неокантианская версия философии науки, в начале XX в. конкурировавшая с позитивизмом, не получила дальнейшего распространения в том числе и вследствие политического и культурного подавления Германии.

Еще в вольфианской философии, преобладавшей в европейской университетской традиции в XVIII в., а в России фактически до середины XIX в., «историческое» (т. е. эмпирическое) познание различалось на «простое» и «осмотрительное». Первое из них лишь фиксировало «бытие предмета», свидетельствовало о его существовании, второе — включало уже элемент различения, т. е. познания, делая восприятие более определенным. Современная философия науки указывает на более сложную структуру акта восприятия. Хотя наблюдение и отталкивается от чувственного восприятия, но только эмпирической фиксацией оно не ограничивается. Наблюдение обладает структурой, включающей объект и субъект наблюдения, средства и условия наблюдения, систему знания, направляющую как само наблюдение (определяющее ее цель), так и интерпретацию его результатов. Наблюдения бывают непосредственными и косвенными. Важным критерием наблюдения как объективного научного свидетельства является его интересубъективность [Никифоров, 2006, с. 137–138]. Наблюдение практически никогда не устанавливает только свойства или качества предмета или явления; оно изначально теоретически нагружено и «требует использования гипотезы для интерпретации воспринимаемого» [Козн, Нагель, 2010, с. 301].

В российской научной традиции одним из первых обратил внимание на специфику наблюдения в гуманитарных науках историк, социолог, методолог науки Николай Иванович Кареев (1850–1931). Полнее всего методолого-научные взгляды

Кареева нашли отражение в его поздней работе «Общая методология гуманитарных наук», написанной столетие назад. Необходимо отметить, что термин «гуманитарные науки» он использовал в широком смысле, включая в них дисциплины социальные или обществоведческие. Это сближает труд Кареева с его курсами по социологии. Социологическое направление в целом преобладало в отечественной философии истории в последней трети XIX в. [Васильев, 2010, с. 126]. История создания «Общей методологии гуманитарных наук» и неудача с ее публикацией при жизни ученого уже рассматривались в исследовательской литературе [Долгова, 2012]. Опубликованные в последние годы фрагменты работы Кареева дают лишь частичное представление о его замысле [Долгова, Малинов, 2017а, 2017б]. «Общая методология гуманитарных наук» была написана на основе лекционного курса, который ученый читал в Петроградском университете и на Высших женских курсах, поэтому она служила прежде всего образовательным целям и решала в том числе дидактические задачи. Своевременная публикация труда Кареева могла бы сделать его одним из этапных произведений в отечественной методологии науки. Однако история распорядилась иначе. Запоздалая публикация позволяет критически оценить подход Кареева и сравнить его с современными критериями научности. Для Кареева таким критерием было непротиворечие фактам и логике. Недаром одну из глав (предшествующую анализу наблюдения) он посвятил логике [Кареев, 2017]. Современные исследователи отмечают перекличку идей Н. И. Кареева с Г. Г. Шпетом в вопросе соотношения логических способов доказательств и «логики отдельной науки» [Лопова, 2018, 56].

Проблема наблюдения прямо отсылает к эмпирическому направлению в философии Нового времени, в рамках которого формулируется индуктивная модель научного знания. При этом необходимо помнить, что философы-эмпирики не отвергали значение разума в деле познания, так же как философы-рационалисты признавали роль опытного знания. Вопрос стоял лишь о начале познания и содержании нашего сознания. Для Кареева научное наблюдение должно быть преднамеренным (в отличие от произвольного наблюдения), методичным, планомерным, систематическим. Оно не ограничивается только констатацией существования, а включает в себя и аналитический момент. Оно закрепляется в суждении категорическом, утвердительном, ассерторическом. Наблюдение имеет временное ограничение: оно принадлежит настоящему. «Наблюдения, которые прошли», Кареев относит к «запытному знанию». Однако, как он верно замечает в § 259: «...почти весь фактический материал гуманитарных наук относится к прошлым событиям и состояниям культурного и общественного мира и добывается из возникших в прошлом же источников». Специфика социального факта состоит в практической невозможности его непосредственного наблюдения. Социальный факт является не столько результатом наблюдения, сколько продуктом конструирования. В равной мере затруднительно и непосредственное наблюдение чужой психической жизни, о котором пишет Кареев, неявно отсылая к полемике о «чужой одушевленности», «чужом я» в русской философии, вызванной публикацией в 1892 г. работы А. И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физический закон в связи с вопросом о возможности метафизики». В полемике приняли участие как московская профессура (С. Н. Трубецкой, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин, П. Е. Астафьев), так и петербургские ученые (Э. Л. Радлов, И. И. Лапшин, С. А. Алексеев-Аскольдов, Н. О. Лосский). Значительное место проблеме «чужой одушевленности» уделил в

своей «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевский. Закрытость чужой душевной жизни означает, что наблюдения, сделанные другими людьми и ставшие достоянием их психики, также остаются недоступными. Они доходят до нас лишь в качестве свидетельств, т. е. являются уже результатом интерпретации.

В методологии гуманитарных наук Н. И. Кареев прежде всего ориентируется на историю. Он был профессиональным историком, причем не рядовым университетским профессором, а одним из ведущих для своего времени специалистов по истории Европы в Новое время. Исключительное пристрастие к истории проявляла и русская философия, предложившая широкое толкование истории: от религиозного до сциентистского. Кареев в полной мере принадлежит к последнему из них. Интерес к истории поддерживался и напряженными спорами и размышлениями о свободе, которыми столь богат был русский XIX век [Рыбас, 2018, с. 168]. Уже в первых своих философско-исторических работах Кареев относил историю к области наук феноменологических, т. е. имеющих дело с явлениями, а не законами или сущностями. В разработке общих методологических вопросов история остается для него своеобразным эталоном, по мерке которого он определяет специфику всех остальных социогуманитарных дисциплин. Кареев неоднократно называл XIX век «веком истории», указывая тем самым как на развитие историографии, так и на ее парадигмальность для прочих гуманитарных наук. Развитие историографии подразумевает не только расширение наших познаний о прошлом и появление новых разделов исторической науки, но и, так сказать, углубление самого исторического знания, превращение истории в науку, которое осуществлялось в том числе посредством методологической рефлексии. Однако затруднительность непосредственного наблюдения в истории означает не отказ от самого наблюдения, а лишь то, что «факты прошлого познаются не из наблюдений, а из свидетельств», как писал Кареев в «Общей методологии гуманитарных наук». Таким образом, проблема наблюдения в социальных науках переинтерпретируется им как проблема источниковедения. Правда, Кареев ограничивает источниковедение совокупностью научных исследований письменных источников и свидетельств, хотя при этом и признает доступность наблюдения «остатков» прошлого в таких дисциплинах, как палеонтология и археология. Он стремится терминологически обогатить источниковедение, давая свои определения понятиям: *документ* (письменная форма действия, доступная наблюдению), *следы* (остатки прошлого в виде свидетельств о фактах прошлого), *быт* (реальная сторона жизни в противоположность формальной стороне, т. е. культуре), *состояния* (то, что может быть оценено, имеет «цену» в нашей жизни, т. е. наделяется смыслом), *формы состояний* (общие или одинаковые для всех людей «условия существования» — биологические, социальные и т. п., — где осуществляются состояния, в которых может что-то произойти, т. е. состояться), *событие* (единство состояния и его форм) и др.

Поскольку наблюдение в социальных науках изначально обременено смыслом, постольку в область источниковедения входят историческая критика и интерпретация. Критика сначала проверяет подлинность самих источников, а затем достоверность изложенных в них фактов, прибегая к психологической, филологической, археологической, герменевтической интерпретации. Здесь налицо перекличка с идеями французских историков Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, полагавших, что развитие техники исторического исследования должно быть основано на строгой критике исторических источников и тщательном собирании фактов историками.

Однако вопрос о достоверности истории неоднократно поднимался и в российской исторической науке. Так, в середине XIX в. в русской историографии имела место полемика, вызванная публикацией статьи С. С. Уварова «О достоверности истории». Кареев в целом соглашается с мнением, казалось бы, далеких от него мыслителей — П. Я. Чаадаева и А. С. Хомякова — о том, что мы никогда не будем знать о прошлом все; полнота исторического знания недостижима. При этом он указывает на своеобразную, обратно пропорциональную масштабу, оптику исторической достоверности: крупные события поддаются более достоверному и полному описанию, чем составляющие его частные факты, которые в своей индивидуальности как раз не могут быть досконально известны. Кареев фиксирует противоречие точности и полноты знания в социальных науках.

Все это заставляет его допустить в социальное знание догадки, или «дивинацию» (например, аналогия в статистике). Интуитивное знание, «вероятная догадка», по выражению Кареева, оправдывает в идиографических науках познавательную роль воображения. Так историк становится сродни художнику, а историческое исследование — историческому роману. Исторические факты проявляются на зыбкой грани между художественным вымыслом и объективным познанием. Здесь Кареев невольно солидаризируется с Л. П. Карсавиным, утверждавшим в написанной в те же годы «Философии истории», что неполнота исторических данных вынуждает историка «измышлять» недостающие факты и «вычитывать» «из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает» [Карсавин, 1993, с. 84]. «Не видеть в истории “измышленного”, — писал Карсавин, — нельзя, и не может существовать история, как наука, без измышления» [Карсавин, 1993, с. 85]. Крупнейшие историки настолько владели словом, что их произведения получали высокую оценку в том числе и за художественные достоинства. В России такими историографами были Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский. Высоко почитавший Н. М. Карамзина петербургский профессор К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркивал, что история познает прошлое не одними научными средствами, но и посредством художественной конкретизации. Более того, гуманитарные науки, настаивал Кареев, изучают внутренние переживания людей, а значит, не могут обойтись без психологического познания. Эвристическая роль здесь принадлежит аналогии со своими собственными переживаниями и опытом общения с другими людьми. Кареев указывал, что историческая реальность складывается как из текучести ситуаций, изменчивости происшествий, так и из скрепляющих их устойчивых форм (культура). Однако в деле исторического познания есть еще более устойчивая сущность, сохраняющая неизменные параметры на протяжении всей истории человечества, — это природа человека. Проходят жизненные обстоятельства, сменяют друг друга людские поколения, возникают и гибнут культурные миры, но человек остается тем же самым, т. е. мыслящим и чувствующим так же, как и его отдаленные предки. Именно поэтому прошлое познаваемо, а основное содержание истории сводится к демонстрации типичности этой человеческой природы и в известном смысле повторяемости ее проявлений. Постоянство человеческой природы дает силу и другим методам, которые упоминает Кареев: сравнительно-историческому и методу пережитков. Последний метод, воспринятый Н. И. Кареевым из антропологии, впервые был сформулирован эволюционистом Э. Тайлором еще в XIX в., но практически синхронно написанию работы Н. И. Кареева уже был критически пересмотрен в работах функционалиста Б. Малиновского и не являлся актуальным.

Конечно, история не ограничивается одними индивидуальными переживаниями, иначе она была бы лишь отраслью психологии и разнообразностью беллетристики. История изучает коллективные явления, опирающиеся, по словам Кареева, на «массовые наблюдения в статистическом смысле». В социальных науках статистика фиксирует наблюдения «масс людей» или «массовых действий и их результатов», выражая их в виде чисел, которые Кареев понимает как «сумму явлений и предметов». Однако массовые действия для него остаются лишь коллекцией индивидуальных поступков, «отдельных собирательных целых» или «совокупностью индивидуальных поступков». Он не видит специфики массовых явлений, что кажется малообъяснимым после публикации популярных в России работ Г. Тарда, Г. Лебона или даже Н. К. Михайловского, идейную близость с которым признавал и сам Кареев.

Наблюдение — лишь первый шаг в постижении истории и мира человеческого общежития, но и оно оказывается обставлено таким количеством оговорок и условий, при строгом соблюдении которых оно становится практически невыполнимым. Источники, в которых оседают следы наблюдений, еще не дают самих фактов, а содержат лишь их фрагменты, служащие материалом для построения фактов. Исторические факты не даны «готовыми»; это результат реконструкции, т. е. итог синтетической работы исследователя по построению исторического целого (единичного). Но и на этом синтетическая работа историка не заканчивается: факты «складываются в системы» посредством «связывания» причинных или эволюционных рядов. Так формируется еще более сложное целое, которым и является история. Целостность как характеристика истории, конечно, может вызывать сомнения. Она и вправду соткана из неоднозначных «следов», противоречивых догадок, откровенных домысливаний и дивинаций. Однако в этом кроется и ее сила. История, предлагая целостный взгляд на прошлое, делает мир человека более известным и понятным, а значит, пригодным для жизни и ее продолжения. Позитивистский идеал знания накладывает на все гуманитарные и социальные науки требование точности и обрекает их на методологическое подражание наукам естественным. Даже за пределами позитивистского ниспровержения метафизики, философии вменяется, с «математической» руки Э. Гуссерля, идеал «строгой науки» [Серкова, 2016]. Точность науки ограничивает ее знание узким кругом установленных фактов и открытых законов, которые по сравнению с пространством человеческой истории выглядят слабым лучиком в непознанной тьме мироздания. Не случайно Кареев оспаривает познавательное превосходство естествознания, утверждая, что «историю человечества <...> мы знаем несоизмеримо лучше, чем историю земли и особенно всего мироздания» (§ 225). Вывод Кареева подтверждает возросшая в XX в. культурная и мировоззренческая роль гуманитарных и социальных наук [Безлепкин, 2017, с. 129].

Исследователи неоднократно отмечали синтетическую тенденцию в философских и теоретических взглядах Кареева, сочетание различных влияний (философских, исторических, социологических) [Мотовникова, 2018], и в том числе методологических [Мамонова, 2010, с. 9]. Для него был характерен «универсализм, синтезирующий элементы гуманитарного и социального знания в общую конструкцию исторической социологии. Кареев был убежденным защитником связи философии, истории и социологии как взаимодополняющих наук» [Козловский, Осипов, 2000, с. 90]. Его подход отличало «поливариантное видение исторического прошлого, способное расширять интерпретативный горизонт совокупности исторических фактов» [Михайлова, 2017, с. 47]. Рассматривая особенности наблюдений в социаль-

ных науках, Кареев признавал сложный, конструированный характер исторических и социальных фактов и приходил к выводу о необходимости разработки теоретических вопросов источниковедения в социальных науках.

Указанная проблематика раскрывается в четвертой главе рукописи Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», опубликованной ниже.

Текст публикуется по автографу автора, выявленному в его личном фонде в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. О том, что рукопись, вероятнее всего, предназначалась для типографского набора, свидетельствуют корректорские знаки на полях, ее внешний вид — несмотря на «бумажный голод», она писана с одной стороны листа, без использования оборотов. В рукописи присутствуют пометы Н. И. Кареева — немногочисленные зачеркивания, вставки, приписки на полях, подчеркивания отдельных слов и словосочетаний (в наборе их должен был заменить курсив).

Текст публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации, отдельные синтаксические несогласования устранены. Стилистические особенности в текстах, особенности расположения текста на листе сохранены в целях аутентичной передачи источника. Сохранены подчеркивания и выделения в документе. Утраченные фрагменты обозначены многоточием в квадратных скобках [...], восстановленные публикаторами фрагменты даются в квадратных скобках [], сокращения документа, публикуемого не полностью, обозначены <...>.

Литература

Безлепкин Н. И. От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли // Управленческое консультирование. 2017. № 8 (104). С. 119–132.

Васильев Ю. А. Феномен «Ecole russe»: теория истории Н. И. Кареева (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 124–128.

Долгова Е. А. Из истории издания работы Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

Долгова Е. А., Малинов А. В. Логика методологии (к публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н. И. Кареева) // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 319–326.

Долгова Е. А., Малинов А. В. «Понять чужую душу»: фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н. И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247.

Кареев Н. И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327–365.

Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 350 с.

Козловский В. В., Осипов И. Д. Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 86–98.

Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / Пер. с англ. П. С. Куслия. Челябинск: Социум, 2010. 655 с.

Мамонова Ю. В. Н. И. Кареев как историк отечественной социологии: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010.

Михайлова Е. Е. Подлинность исторического события: рационально-дискурсивная и научная референция // Поиск истины в пространстве современной культуры. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 43–47.

Мотовникова Е. Н. К истории развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н. И. Кареева // *Studia Culturae*. 2018. № 36. С. 60–70.

Никифоров А. Л. *Философия науки: История и теория*. М.: Идея-Пресс, 2006. 264 с.

Попова В. С. О роли логики в историческом познании: опыт русских мыслителей начала XX в. // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 4 (46). С. 51–57.

Рыбас А. Е. Жить и мыслить в пределах возможного. О «Проективном словаре» М. Н. Эпштейна // *Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии*. 2018. № 2. С. 159–188.

Серкова В. А. Идеал «строгой науки» в философии // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2016. № 3 (250). С. 148–153.

Observation in Social Sciences (Based on the Materials of Nikolay I. Kareev's Manuscript "General Methodology of the Humanities")

ALEXEY V. MALINOV

St Petersburg State University
St Petersburg, Russia;
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

EVGENIYA A. DOLGOVA

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia;
e-mail: medievalis@list.ru

VALERIYA V. SLISKOVA

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia;
e-mail: valeriya.sliskova@mail.ru

The article deals with the first publication of a chapter of manuscript "The General Methodology of the Humanities" by Nikolay I. Kareev — historian, sociologist, and theorist. This general study was written in the late 1910s — early 1920s and was planned for publishing in the "Mysl" publishing house in Petrograd, however it was not done. The book is based on the positivistic approach, but also it has the traces of contemporary theories as Neo-Kantianism. The author focuses on the problem of elaboration of the investigation method, which was common for both scientists and scholars, and methodology of the Humanities as its part. In published chapter N. Kareev deals with the problem formation of empiric basis for the Humanities and how it differs from scientific empirics — the method of observation and statement particularly. The authors come to the conclusion that N. Kareev, studying features of observation in social sciences, admits the complex nature of historical and social facts and arrives at conclusion concerning the necessity of developing the theory of source

criticism. The publication of the chapter gives an opportunity to criticize Kareev's approach and to compare it with contemporary scientific criterion. The scholar notes the contradiction of precision and complexity in social sciences and reinterprets the case of observation and source criticism. The text of the fourth chapter of the manuscript "General Methodology of the Humanities" is published according to the autograph discovered in his archives of the Scientific Manuscript Department of Russian State Library.

Keywords: Nikolay I. Kareev, Methodology, Positivism, Neo-Kantianism, Source criticism, social fact, observation, divination.

Acknowledgment

This article was carried out with support of the Russian Foundation for the Basic Research (RFBR) according to the science project No. 19-09-00109/19.

References

Bezlepkin, N. I. (2017). Ot istoriosofii k filosofii istorii: evolyuciya vzglyadov na istoriyu v otechestvennoy filosofskiy mysli [From historiosophy to philosophy of history: the evolution of views on history in Russian philosophical thought], *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 8 (104), pp. 119–132 (in Russian).

Dolgova, E. A. (2012). Iz istorii izdaniya raboty N. I. Kareeva "Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk". 1922–1924 gg. [From the history of the publication of the work by N. I. Kareev "General methodology of the humanities". 1922–1924], *Vestnik arkhivista*, no. 1, pp. 239–245 (in Russian).

Dolgova, E. A., Malinov, A. V. (2017a). Logika metodologii (k publikatsii "Logicheskikh predposylk vsyakoy metodologii" N. I. Kareeva) [The logic of methodology (to the publication of "The logical prerequisites of any methodology" by N. I. Kareev)], *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 16, no. 3, pp. 319–326 (in Russian).

Dolgova, E. A., Malinov, A. V. (2017b). "Ponyat' chuzhuyu dushu": fragmenty iz neopublikovannogo truda istorika, sotsiologa, metodologa nauki N. I. Kareeva ["Understanding someone else's soul": fragments from the unpublished work by historian, sociologist, methodologist of science Nikolay I. Kareev], *Vestnik arkhivista*, no. 4, pp. 236–247 (in Russian).

Kareev, N. I. (2017). Obshchaya metodologiya gumanitarnykh nauk. Glava 2. Logicheskiye predposylki vsyakoy metodologii [General methodology of the humanities. Chapter 2. The logical premises of any methodology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 16, no. 3, pp. 327–365 (in Russian).

Karsavin, L. P. (1993). *Filosofiya istorii* [Philosophy of history], S.-Peterburg: AO «Komplekt» (in Russian).

Kozlovskiy, V. V., Osipov, I. D. (2000). Sintez istorii i sotsiologii v trudakh Nikolaya Kareeva [Synthesis of history and sociology in the works by Nikolai Kareev], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 3, no. 4, pp. 86–98 (in Russian).

Koen, M., Nagel', E. (2010). *Vvedeniye v logiku i nauchnyy metod* [Introduction to Logic and the Scientific Method], Chelyabinsk: Sotium (in Russian).

Mamonova, Yu. V. (2010). *N. I. Kareev kak istorik otechestvennoy sotsiologii* [N. I. Kareev as historian of domestic sociology]: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk, Saratov (in Russian).

Mikhaylova, E. E. (2017). *Podlinnost' istoricheskogo sobytiya: ratsional'no-diskursivnaya i nauchnaya referentsiya. Poisk istiny v prostranstve sovremennoy kul'tury* [The authenticity of a historical event: rational-discursive and scientific reference], S.-Peterburg.: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet (in Russian)

Motovnikova, E. N. (2018). K istorii razvitiya ponyatiya tipa (i tipologicheskogo metoda) v metodologicheskikh rabotakh N. I. Kareeva [On the history of the development of the concept of type (and typological method) in the methodological works of N. I. Kareev], *Studia Culturae*, no. 36, pp. 60–70 (in Russian).

Nikiforov, A. L. (2006). *Filosofiya nauki: Istoriya i teoriya* [Philosophy of science: history and theory], Moskva: Ideya-Press (in Russian).

Popova, V. S. (2018). O roli logiki v istoricheskom poznanii: opyt russkikh mysliteley nachala XX v. [On the role of logic in historical knowledge: the experience of Russian thinkers at the beginning of the 20th century], *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4 (46), pp. 51–57 (in Russian).

Rybas, A. E. (2018). Zhit' i myslit' v predelakh vozmozhnogo. O “Proyektivnom slovare” M. N. Epshteyna [To live and think to the extent possible. About the “Projective Dictionary” M. N. Epstein], *Filosofskiy polilog. Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filsofii*, no. 2, pp. 159–188 (in Russian).

Serkova, V. A. (2016). Ideal “strogoy nauki” v filosofii [The ideal of “strict science” in philosophy], *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, no. 3 (250), pp. 148–153 (in Russian).

Vasil'ev, Yu. A. (2010). Fenomen “Ecole russe”: teoriya istorii N. I. Kareeva (nachalo) [The phenomenon of “Ecole russe”: the theory of history of N. I. Kareev (beginning)], *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2, pp. 124–128 (in Russian).